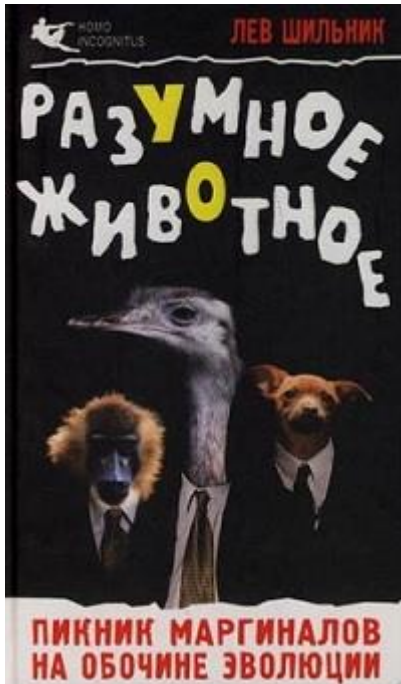

Лев Шильник. Разумное животное

Разумное животное – это о человеке. Талантливый популяризатор науки Лев Шильник считает: сомневаться в том, что человек произошел от обезьяны сегодня просто неприлично. Если вас занимает хитроумный баланс врожденных и приобретенных стереотипов поведения приматов и человека, эта книга для вас. См. также по теме [Юваль Харари. SAPIENS. Краткая история человечества](#), [Виктор Дольник. Непослушное дитя биосферы](#).

Лев Шильник. Разумное животное. Пикник маргиналов на обочине эволюции. – М.: ЭНАС, 2007. – 360 с.

Купить книгу в [Ozon](#)

Глава 1. Обыкновенный примат

Сергей Сергеевич Четверикова (1880–1959) показал, что природные популяции несут в себе огромный запас ранее произошедших мутаций. Так что отбору всегда есть с чем работать. Представления очень многих людей о естественном отборе до сих пор грешат самым вульгарным ламаркизмом. Спросите человека на улице, какой щенок скорее выучится трюкам на манеже — несчастная дворняга или счастливчик из династии цирковых псов? Наверняка вам ответят: конечно, цирковой — ведь все его предки работали на манеже; разве могли не закрепиться в генах столь важные признаки? А ведь человек учил в школе, что приобретенные признаки не наследуются. Между прочим, когда журналисты пишут о лениости российского мужика, они оперируют в точности таким же поверхностно понятым эволюционизмом.

Рис. 1. Бонобо или карликовый шимпанзе

Культурное изобилие антиобезьяньих мифов уходит своими корнями в античный мир. Этот феномен называется этологической изоляцией видов (этология — наука, изучающая поведение животных). Суть его очень проста: близкие виды испытывают взаимное отталкивание, причем неприятие тем сильнее, чем выше степень родства. Многие виды птиц внешне совершенно неотличимы, но разделены формой песни. Механизм этологической изоляции лежит в основе национальной и расовой неприязни. Ничтожные, казалось бы, отличия в привычках, одежде, языке, обычаях могут вызывать у родственных народов сильнейшее взаимное раздражение. Украинский или белорусский язык нередко представляется нам откровенной пародией на русский, а вот финский или мадьярский не вызывают никаких чувств, ибо непонятны. По той же самой причине православные христиане терпеть не могут католиков и лютеран, а к мусульманам или буддистам относятся гораздо спокойнее.

Быть может, биология не располагает серьезной доказательной базой и сближает человека и высших обезьян неправомерно? Сегодня принято считать, что линии гоминид и шимпанзе разошлись по геологическим меркам буквально вчера — 5–7 миллионов лет назад. И хотя общепринятая таксономия помещает высших обезьян и человека в разные семейства, многие биологи утверждают, что они куда роднее между собой, чем, скажем, лев и тигр — представители одного рода (вспомним типологическое членение по мере убывания родства: вид — род — семейство — отряд — класс и т.д.).

У человека и высших обезьян одинаковым образом организован скелет: лопатки располагаются по бокам, а не лежат на спине, как у прочих млекопитающих, и поэтому рука может свободно перемещаться вперед, назад и в сторону, совершая при этом круговые движения. У большинства видов пятый палец на кисти руки противопоставлен остальным, что обеспечивает ни с чем не сравнимую хватательную способность и позволяет манипулировать с мелкими предметами. Строение позвоночника практически идентично. Совпадают не только количество позвонков и число ребер (12–13), но и физиологические изгибы позвоночника, играющие важную роль при передвижении на двух ногах (S-образная форма позвоночника смягчает толчки при ходьбе и беге у прямоходящего *Homo sapiens*). Такое сходство в строении позвоночника не может быть объяснено ничем иным, кроме глубокого филогенетического родства.

Все приматы обладают стереоскопическим бинокулярным зрением, которое позволяет им точно оценивать расстояние до интересующего предмета. При этом зрение у них цветное. Только у человека и обезьян имеются четыре типа цветовоспринимающих рецепторных клеток. Практически идентичен кожный узор ладоней и стоп, а облысение у обезьян напоминает человеческое по мужскому типу. Обезьяны и человек — единственные на планете животные, у которых имеется отчетливый менструальный цикл. Шимпанзе, как и человек, располагает четырьмя группами крови по системе АВ0.

Высшие приматы способны не только использовать, но и изготавливать орудия, поэтому критерий орудийной деятельности, на основании которого традиционно было принято разводить животных и человека по разные стороны баррикад, в значительной степени устарел. Высшие обезьяны, как и люди, могут переживать разнообразные формы глубокой депрессии. Симптоматика депрессивных проявлений у обезьян практически повторяет человеческую: расстройство сна, подавленное настроение, потеря интереса к играм, отсутствие аппетита, очевидное снижение двигательной активности.

Обезьяны способны давать символические обозначения предметам или явлениям, а также оперировать и мыслить этими символами, вычлняя смысл из их взаимного расположения. Высшие приматы обнаруживают несомненную способность к овладению синтаксисом, пусть даже в самом элементарном виде. Поэтому о непроходимой пропасти, лежащей между *Homo sapiens* и человекообразными обезьянами, сегодня говорить уже не приходится. На построениях креационистов, возводящих непреодолимую стену между венцом творения и прочей божьей тварью, можно с чистой совестью поставить жирный крест.

Глава 2. В желтой жаркой Африке

В наши дни подавляющее большинство специалистов считают, что прародиной человечества была Восточная и Юго-Восточная Африка. Дриопитек африканский или проконсул (назван в честь Консула, знаменитого шимпанзе, содержавшегося в 30-е годы прошлого века в Лондонском зоопарке) — человекообразная обезьяна, жившая 18 миллионов лет назад. Специалисты считают дриопитеков

исходной предковой формой шимпанзе, гориллы и человека. Проконсул благополучно вымер около 15 миллионов лет назад, положив начало многочисленным австралопитековым, уверенно вставшим на две ноги. Относительно причин, породивших прямохождение (бипедии) высказываются самые разные и порой взаимоисключающие мнения. Первоначально считалось, что в таком положении древние обезьяны могли дальше видеть и вдобавок освободили руки для изготовления орудий. Однако между вполне уверенным передвижением на своих двоих и появлением первых каменных орудий лежит огромный временной промежуток — как минимум в 7 миллионов лет.

Наряду с явными преимуществами прямохождение имеет массу недостатков, прежде всего анатомо-физиологических. Вертикальное положение тела приводит к нарушениям гемодинамики и пищеварения, болям в спине, варикозному расширению вен нижних конечностей. Двухногое существо резко теряет в скорости. Наконец, хождение на двух ногах чрезвычайно осложняет вынашивание плода и роды. Почему же эволюция взяла на вооружение такой сравнительно малоэффективный способ передвижения, если он не сулит виду практически никаких преимуществ? Окончательного ответа на сей сакраментальный вопрос нет до сегодняшнего дня.

Умение манипулировать с предметами отнюдь не является исключительной заслугой нашего с вами вида. Многие животные вообще, и человекообразные обезьяны в частности, широко используют орудия в своей повседневной деятельности. Если рассматривать человека умелого исключительно с точки зрения орудийной деятельности, то его можно считать обыкновенной человекообразной обезьяной, оббивавшей камни на основе инстинктивной программы.

Таким образом, орудийная деятельность — весьма ненадежный критерий для разграничения инстинктивного и разумного поведения, да и прямохождение, как мы выяснили, возникло в незапамятные времена, когда человек еще не выделился из животного мира. В таком случае, какой инструмент нам следует применить, чтобы безошибочно отделить зерна от плевел? Вопрос этот отнюдь не праздный и носит в антропологической литературе название проблемы грани. Где кончается обезьяна и начинается человек?

Некоторые ученые полагают, что в настоящее время наука не располагает, да и вряд ли когда-либо будет располагать надежным морфологическим критерием, с помощью которого можно было бы дифференцировать ископаемую человекообразную обезьяну от древнейшего человека на ранней стадии развития. Некоторые специалисты вводят понятие своеобразного «мозгового рубикона»: если емкость черепа ископаемого примата меньше 800 см³, то это обезьяна, а если больше — то человек. Однако рубикон в данном случае установлен совершенно произвольно. Отметим, что эта дискуссия представляется не только насквозь спекулятивной, но и совершенно бесплодной. Стремление к исчерпывающим формулировкам имеет мало общего со строгой наукой и отнюдь не всегда похвально.

Извилистый путь четвертичных гоминид в люди был во многом случаен и никогда не смог бы состояться, если бы не членораздельная речь, немедленно обеспечившая громадный отрыв человека от всех остальных животных. Когда именно наш предок заговорил, в точности никто не знает, но не подлежит сомнению, что речь на порядок ускорила его эволюцию.

На протяжении почти миллиона лет габилис оставался полновластным хозяином африканской саванны, пока у него не появился серьезный конкурент — человек прямоходящий, или *Homo erectus*. По современным представлениям, это знаменательное событие произошло около 2 миллионов лет назад и тоже в Восточной Африке. Эректус выглядел весьма внушительно и был уже вполне человеком: приличный рост (до 170 см), великолепная осанка, емкий череп (900–1100 см³, а иногда и несколько больше) и почти современные пропорции (относительная длина рук и ног мало отличалась от аналогичного показателя *Homo sapiens*).

Довольно долго предок и потомок как-то уживались друг с другом, но в конце концов человек умелый не выдержал острой конкурентной борьбы и вымер около 1,5 миллиона лет назад. *Homo erectus* быстро заселил всю Африку, но этим не ограничился. По всей видимости, уже около 1,8 миллиона лет назад прямоходящие люди проникли через синайский перешеек в Палестину и на Ближний Восток и приступили к освоению огромных просторов Евразии. Это был первый по времени великий африканский исход (австралопитеки, по-видимому, никогда не покидали Африку). Около 300 тысяч лет назад *Homo erectus* благополучно вымер, оставив после себя один-единственный молодой подвид, получивший в специальной литературе название *неандертальца*.

Глава 3. Выродок из Неандерталя

В 1856 году произошло эпохальное событие — близ немецкого города Дюссельдорфа, в долине Неандерталь рабочие при расчистке пещер обнаружили необычный скелет, который был доставлен школьному учителю Иоганну Фюльроту. Сегодня стоянки палеоантропов (обобщенное название ископаемых людей, к которым принадлежали и неандертальцы) обнаружены по всей Евразии и Африке. Жили они в широком временном промежутке от 200–250 до 35 тысяч лет назад и создали сравнительно прогрессивную каменную культуру, получившую название мустьерской. Таким образом, неандертальцы занимают срединное положение между неантропами (людьми современного типа) и архантропами, или древнейшими людьми, — питекантропами и синантропами.

Генетические и молекулярно-биологические исследования показали, что неандерталец ни при каких условиях не мог быть предком современного человека, и подавляющее большинство ученых сегодня разделяют эту точку зрения. По всей вероятности, время появления первых ранних сапиенсов вполне сопоставимо с возрастом древнейших находок неандертальского человека, что говорит о параллельном существовании этих двух видов.

Громадным отрывом от всех остальных животных человек обязан прежде всего членораздельной речи. Именно она позволила передавать от поколения к поколению все возрастающий и практически любой по содержанию объем информации. В результате успех группы или популяции стал зависеть не столько от набора генов, сколько от качества и количества знаний, полученных внегенетическим путем. Тем самым человек невольно связал отбору руки и... так и остался во многом недоделанным, неотшлифованным, обремененным наследием многочисленных, часто противоречивых врожденных программ.

Глава 4. Наступление сапиенсов

Первыми африканский континент покинули питекантропы (*Homo erectus*, или прямоходящие люди), придумавшие ручное рубило нового типа и освоившие охоту на крупных копытных. Это было очень давно — примерно 2 миллиона лет назад. Заселяя пустующие земли Евразии, они продолжали неспешно эволюционировать и образовали в результате веер локальных форм — от гейдельбергского человека в Северной Европе до дальневосточного синантропа и яванского питекантропа, открытого Э. Дюбуа.

Около 300 тысяч лет назад *Homo erectus* приказал долго жить, оставив после себя головастого неандертальца — поздний подвид эректусов, заблудившийся в коридорах эволюции и благополучно сгинувший 30 тысяч лет назад. По всей вероятности, популяция *Homo erectus* была весьма полиморфна, и группы, давшие начало палеоантропам и людям современного типа, разошлись очень давно. Согласно результатам молекулярно-генетических исследований, неандертальцы отщепились от общего с нами ствола на несколько сотен тысяч лет раньше, чем начались процессы расообразования внутри вида *Homo sapiens*.

Около 100 тысяч лет назад наши предки проникли в Палестину и на Ближний Восток, а 60–70 тысяч лет назад заселили Азию вплоть до Тихого океана. Чуть менее 40 тысяч лет назад человек разумный проник в Европу и примерно тогда же достиг Новой Гвинеи и Австралии. В Сибири сапиенсы впервые появились 60 тысяч лет назад, а около 20 тысяч лет назад приступили к освоению американского континента, пройдя по так называемому Беринговому мосту, существовавшему в ту эпоху.

Окончательного ответа на вопрос, каким образом происходило формирование человеческих рас, нет. Некоторые ученые полагают, что ведущей причиной расовой дифференциации является географический фактор; таким образом, расы — результат приспособительной эволюции в новых условиях. И хотя определенный резон в подобных соображениях имеется, по большому счету они все же представляются весьма наивными.

Сейчас считают, что расы — это не результат приспособительной эволюции в новых условиях, а элементарный продукт малых выборок. Между прочим, Чарлз Дарвин понял это еще более 100 лет назад и писал, что расы — отнюдь не продукт обычного естественного отбора. Расселение человечества по планете приводило к тому, что небольшие коллективы, отправившиеся за тридевять земель, рано или поздно оказывались в изоляции, и принесенные немногими членами случайные признаки усиливались со временем в результате близкородственного скрещивания.

30–40 тысяч лет тому назад произошла самая настоящая промышленная революция. На смену грубым мустьерским орудиям, которыми неандертальский человек пользовался на протяжении более 100 тысяч лет, будто бы в одночасье пришла отточенная до немыслимого совершенства каменная технология Ориньяка. Специалисты насчитывают свыше 100 различных типов кроманьонских орудий: разнообразные скребки, острия, проколки, сверла, шильца, кремневые наконечники идеальной формы, множество разновидностей режущих инструментов и т.п.

По современным представлениям, анатомически современный человек — почти ровесник неандертальца и населяет нашу планету уже около 200 тысяч лет. Однако лишь сравнительно недавно он совершает революцию в технике и начинает рисовать, причем происходит это внезапно, что называется, на ровном месте и вроде бы безо всяких видимых причин. Поэтому некоторые ученые склонны разделять ископаемых людей современного типа на ранних и поздних сапиенсов. Согласно этой точке зрения, при всей анатомической схожести двух популяций поздние сапиенсы пережили своего рода творческий взрыв, который скачкообразно привел к возникновению речи, символики и наскальной живописи.

Глава 5. Эпоха великих охот

Согласно современным представлениям, охотником в полном смысле этого слова стал только человек современного типа; многочисленные его предшественники — от *Homo habilis* до *Homo erectus* и неандертальца — были по преимуществу собирателями и трупоедами, а охотой занимались от случая к случаю. Охота на крупных животных, причем коллективная, загонная, требующая четкой организации, слаженности действий и немалой изобретательности, — открытие *Homo sapiens*. Такая охота немыслима без развитой членораздельной речи, благодаря которой человек разумный одним великолепным прыжком перемахнул пропасть, отделяющую его не только от всех остальных приматов, но и от своих двоюродных братьев, рано или поздно упирившихся в эволюционный тупик.

Этологи подметили, с какой необыкновенной легкостью маленький ребенок овладевает языком, и предположили, что речь не усваивается активно, а запечатлевается, импринтируется. Программа запечатления речи включается вскоре после рождения и работает на протяжении нескольких лет. Сначала маленький ребенок пассивно воспринимает речь, никак не обнаруживая даже малейших признаков того, что он ее понимает. Но ребенку и не нужно ничего понимать, поскольку за него трудится находящаяся в мозгу аналитическая машина, которая пропускает через специальные структуры чудовищный объем информации, разбирая ее по косточкам и неустанно сортируя. Поэтому матери поступают абсолютно правильно, разговаривая с крохотульками, глаза у которых пусты и бессмысленны: аналитическая мозговая машина нуждается в регулярной «подпитке». Если этого не делать, развитие речи у ребенка затянется, как это нередко случается с приютскими детьми.

Человек верхнего палеолита практиковал так называемую загонную, или облавную, охоту, которая требовала не только идеальной координации, но и серьезной предварительной подготовки. На Ближнем Востоке с воздуха обнаружены десятки ловушек на джейранов — изящных, быстроногих газелей, кочевавших когда-то несметными стадами по степям нынешней Сирии и Иордании. Ловушка завершалась каменным мешком около 150 м в поперечнике. К мешку пристроены дополнительные загоны и камеры. От входа в мешок тянутся на несколько километров (!) две расходящиеся каменные стенки. Охотники загоняли стада джейранов в гигантский проход между стенками, гнали по сужающейся воронке, а дальше через узкий проход загоняли в мешок. Эти охоты начались 11 тыс. лет назад.

Эпоха великих охот закончилась примерно 10 тысяч лет назад, когда ледник стал стремительно таять. На смену отчаянным промысловикам пришли совсем другие люди — немного земледельцы, немного собиратели и чуть-чуть охотники, положившие начало современной цивилизации. Когда ледник окончательно растаял, люди начали постепенно переходить от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству. В VIII тысячелетии до новой эры на Ближнем Востоке уже существует город Иерихон, где проживает не меньше 3 тысяч человек. В Малой Азии обнаружены не менее древние земледельческие поселения, самое знаменитое из них — городище Чатал-Гююк.

Глава 6. Из глубин

Любое животное, уровень организации которого превышает некоторую критическую величину, появляется на свет с богатым набором тонких и сложных программ, позволяющих ему оптимально взаимодействовать со средой обитания и другими представителями своего вида. Такие врожденные

поведенческие программы называют еще инстинктами, и человек ничуть ими не беднее, чем любое другое животное. Правда, в обиходе слово «инстинкт» часто употребляется как синоним всего дурного, низменного в человеке и противопоставляется разуму, но в биологических науках оно имеет совсем другое значение.

Изучением поведения животных занимается этология — сравнительно молодая научная дисциплина, возникшая в 30-е годы прошлого века главным образом благодаря работам австрийского зоолога Конрада Лоренца и голландского зоопсихолога Николаса Тинбергена. Сущность этологического подхода состоит в детальном сравнительном описании инстинктивных действий, выяснении их приспособительного значения, в определении роли врожденных и приобретенных компонентов при формировании целостного поведения для поддержания структуры сообщества и эволюции вида. Основным методом этологов стало наблюдение и тщательное описание поведения животного в естественной для него среде обитания.

К числу наследственно обусловленных форм поведения относится, например, агрессивность, присущая всем без исключения высшим животным. А человек в этом длинном ряду занимает едва ли не самое почетное первое место, поскольку чрезвычайно агрессивен по своей природе. Внутривидовая агрессивность — хитрая штука и далеко не всегда выливается в реальные стычки, которые могут закончиться чувствительными телесными повреждениями, а сплошь и рядом ограничивается демонстрацией силы.

Поскольку члены стада неравноценны по многим параметрам, в том числе и по агрессивности, между ними устанавливаются жесткие отношения соподчинения. Возникает иерархическая структура, имеющая форму пирамиды, на вершине которой находится доминант — самая агрессивная особь стаи.

Сообщество любых стадных животных (и человек в этом ряду вовсе не исключение) представляет собой динамическую структуру пирамидального типа, в которой агрессия переадресуется с этажа на этаж, а каждый член этого сообщества знает свое место, подчиняет и подчиняется. Несмотря на издержки, отбору удалось создать весьма эффективный и надежно функционирующий механизм, позволяющий избежать перманентной борьбы за первенство и войны всех против всех.

Агрессивность ни в коем случае нельзя трактовать в духе простой оппозиции «стимул — ответ». Хотя агрессивное поведение часто выглядит как банальная реакция на внешний стимул, подлинные причины прячутся глубже. Если раздражитель устранить, агрессия будет все время накапливаться. Механизм накопления агрессии универсален. Хорошо известно, что люди, оказавшиеся в условиях вынужденной изоляции (геологическая партия в глухой тайге, зимовщики за полярным кругом и т.п.), постепенно начинают тихо ненавидеть друг друга и цепляться к соседу из-за таких пустяков, на которые в обычных условиях никогда бы не обратили внимания.

В противовес природе создала механизм торможения агрессивности. Предусмотрительный отбор наделил опасных хищников мощными сдерживающими механизмами, которые строго-настрого запрещают им применять свое тяжелое вооружение друг против друга. Среди хищных зверей не обладают инструментами торможения агрессии всего несколько видов, ведущих одиночный образ жизни. Они встречаются себе подобных только в сезон размножения, когда их сексуальная активность находится на пике и превалирует над всеми другими эмоциями. В первую очередь это ягуар и белый медведь, прочно удерживающие пальму первенства по убийству своих собратьев, особенно в условиях неволи.

Лоренц справедливо пишет, что основательное знакомство с поведением волков помогло ему понять евангельскую мудрость, сплошь и рядом трактуемую неверно: «Если тебя ударили по левой щеке, подставь правую». Не для того вы должны подставлять другую щеку, чтобы вам врезали еще раз, а для того, чтобы не смогли этого сделать. Подобного рода жесткие ограничители наследственно закреплены отбором и называются *естественной моралью*.

А как обстоит дело с врожденными запретами у человека? Увы, приходится признать, что сдерживающих начал у нас с вами негусто. Человек — агрессивное животное. Люди убивают друг друга чаще, чем любой другой биологический вид. Человеку в ходе социальной эволюции пришлось выдумать сложную систему моральных заповедей, чтобы обеспечить минимальную стабильность

популяции. К сожалению, писанный закон никогда не бывает столь же эффективным, как врожденный запрет, и потому вся история нашего вида — опасный путь по лезвию ножа.

Иерархия вездесуща. В «незамутненном» виде ее можно найти в дворовых компаниях подростков. Обязательно появляется неформальный лидер (этологи называют таких потенциальными доминантами), и сразу же возникает иерархия, спонтанно и стремительно.

Глава 7. Румяная фефёла

Проклятые вопросы,
Как дым от папиросы,
Растаяли во мгле.
Пришла проблема пола,
Румяная фефёла,
И ржет навеселе.
Саша Чёрный

На протяжении писаной истории человечества можно проследить четыре системы брачных отношений: групповой брак (сожителство нескольких мужчин с несколькими женщинами), полигамия, или точнее полигиния (многоженство), полиандрия (многомужество) и так называемый парный брак (одна женщина и один мужчина), причем последний может существовать в двух вариантах — в виде нерасторжимого пожизненного союза и в форме, допускающей развод.

У огромного большинства видов репродуктивная система и самцов, и самок активируется раз в год, на короткий брачный период. В остальное время она неактивна, и нет ни полового поведения, ни интереса полов друг к другу. Хитроумная природа никогда не сваливает все яйца в одну корзину. Она неутомимо пробует самые различные варианты. Поэтому существует и другая стратегия: циклически только самки, а самцы сохраняют способность спариваться постоянно. Именно так ведут себя кошки, собаки и обезьяны, в том числе и человекообразные.

Все человекообразные обезьяны спариваются сравнительно редко и нерегулярно, все они неревнивы, а самки у них совершенно бесправны. Немного особняком стоят гиббоны. Их половое поведение являет собой сравнительно редкий в животном мире (а у обезьян в особенности) пример моногамии: они живут семейными парами и только в местах кормежки объединяются в группы.

Гиббоны отделились от общего ствола предков рода Ното самыми первыми, намного раньше других человекообразных обезьян. Это случилось примерно 25 миллионов лет назад. Однако многие ученые убеждены, что *Homo sapiens*, тем не менее, унаследовал древнюю программу парного брака, пусть даже в ослабленной форме.

Репродуктивное поведение большинства животных предельно функционально. Пары сходятся только тогда, когда вероятность зачатия максимальна. Например, самки многих видов низших приматов могут быть оплодотворены только во время овуляции. При этом внешние признаки наступившей овуляции настолько очевидны, что ошибиться невозможно.

А вот у женщин *Homo sapiens* наступление овуляции никак внешне не проявляется: не только мужчина, но и сама женщина не знает в точности, когда половой акт может привести к зачатию, а когда — нет. Однако самое поразительное — даже не скрытая овуляция как таковая, а перманентная готовность женщины к половым контактам с момента полового созревания. Такую избыточную любвеобильность, не связанную с продолжением рода, специалисты называют *гиперсексуальностью*.

Однако, природа бережлива, ее не упрекнешь в бессмысленной расточительности. Следовательно, у избыточной способности к половым контактам должен быть смысл. У тех видов, где необходима продолжительная забота обоих родителей о потомстве, присутствует инверсия доминирования, которая может растягиваться на все время выхаживания детенышей. Биологический смысл подобного феномена очевиден. Это способствует выживанию наибольшего числа детенышей и в конечном счете служит процветанию вида.

А каким образом заинтересовать самца, как покрепче привязать его к самке и заставить проявить хотя бы минимум внимания к судьбе собственных детей? Надо сделать самку способной к спариванию как можно дольше, а не только в период овуляции. Широко практикуя поощрительное

спаривание за кусок хлеба с маслом, самка окажется в выигрыше и обеспечит полноценным питанием не только себя, но и свое потомство.

Групповая форма брака длилась у предков человека очень долго, и естественный отбор за это время сильно изменил физиологию женщины. Он сделал ее способной к спариванию всегда, и этим она совершенно не похожа на самок человекообразных. Неудивительно, что от этого этапа эволюции у нас осталось много инстинктивных программ. Во-первых, женщина гиперсексуальна, и потому люди спариваются не только с целью оплодотворения (как большинство животных), а ведут половую жизнь саму по себе, как самоцель, как нечто самодостаточное. Во-вторых, женщина может (как бессознательно, так и сознательно) применять поощрительное спаривание во благо себе и своим детям. Проституция — проявление этой способности в крайней форме.

К парному браку человек начал переходить совсем недавно, с развитием земледелия. Для этой формы отношений свежие генетические программы не успели образоваться, брак строится на древних атавистических программах и поэтому неустойчив, нуждается в поддержке со стороны морали, законов, религии».

Эволюция нашего вида шла очень непростым, извилистым путем. Параллельное сосуществование противоречивых программ полового поведения — это уникальная особенность *Homo sapiens*. Ничего похожего у других видов нет. Если бы человек продолжал эволюционировать не спеша, сшибки разношерстных программ никогда бы не произошло: предусмотрительный и неторопливый отбор свернул бы одни программы, подправил другие, решительно перекроил третьи. Плохо притертые друг к другу генетические программы полового, семейного и общественного поведения продолжают угрожающе торчать в разные стороны, и потому мы почти всегда ведем себя неудачно.

Глава 8. По образу и подобию

Религия является неотъемлемой частью культуры и возникла как общественный регулятор межчеловеческих отношений.

Отличием научных утверждений от метафизических является возможность опытной проверки. Точные науки потому и называются точными, что оперируют строгой терминологией, не допускающей неоднозначного толкования. Всякий честный опыт может быть легко повторен другим исследователем в любой точке земного шара, если граничные условия заданы правильно. Совершенно очевидно, что так называемые священные книги этим строгим требованиям не отвечают. Их расплывчатые тексты, изобилующие метафорами, допускают тьму толкований, на чем, собственно говоря, и строится вся экзегетика.

Привлекательность религиозного взгляда на мир объясняется сравнительно просто. Все метафизические системы очень просты, особенно по сравнению с реальной сложностью мира. Именно этой простотой и к тому же редкой безапелляционностью своих утверждений они и привлекают к себе людей. Любая из этих систем на пальцах объяснит нам, что мир возник так-то и так-то, что создал его тот-то и тот-то, а назначение человека состоит в том-то и том-то. Такой подход дает возможность все понять, ничего не узнав. Приращение нового знания равно нулю, поскольку ответы на все вопросы известны заранее.

Мы будем исходить из того, что религия есть не что иное, как самый обычный социальный институт и необходимая часть культуры, посредством которой человек приспосабливается к среде обитания. С точки зрения М.И. Стеблина-Каменского, религиозные верования могли вырасти только из мифа. Чтобы побороть выматывающие душу фобии, многие люди придумывают для себя специальные ритуалы. К. Лоренц убедительно объяснил природу этого загадочного явления. Дело в том, что новое, нетрадиционное решение почти всегда сопряжено с некоторым риском, а потому гораздо безопаснее следовать проторенной дорогой.

С другой стороны, любая религия, даже самая примитивная, включает в себя помимо культа еще и обряд, то есть строгий церемониал, совершающийся с соблюдением определенных правил. Со временем причудливый мифологизированный мир, сделался объектом культа, ибо кому же поклоняться, как не могущественным персонажам мифа, в реальности которых человек не сомневался? Другой важный момент — иерархическая соподчиненность всех стадных животных. Но такая пирамида неизбежно воспринимается как незавершенная, ибо наверху всегда остается место для сверхиерарха, пусть даже виртуального.

Глава 9. Культура, как ошибка

Культура, понимаемая в широком смысле этого слова, является уникальным адаптационным механизмом вида *Homo sapiens*.

Предположим, говорят британцы, некий пожилой павиан поедал птиц, как правило, с левой стороны. Совершенно неважно, почему он поступал именно так: допустим, у него были искалечены пальцы правой руки, и ему было удобнее подносить добычу ко рту, держа ее в левой. Поскольку поведение вожака является для молодых павианов образцом, они старательно копировали его манеру, и через короткое время вся популяция управлялась с пойманной птицей вполне определенным образом.

Другими словами, всего через одно поколение сложился новый стереотип поведения, абсолютно бессмысленный с точки зрения адаптации, ибо павианы с одинаковой для себя пользой могут поедать птиц с любой стороны. Подобный устойчивый стереотип, не имеющий приспособительного значения и возникший совершенно случайно, представляет собой не что иное, как своего рода протокультуру. По мнению английских авторов, формирование культуры в человеческих сообществах происходит схожим образом — в результате ошибок, заблуждений и недоразумений. Не умея отделить случайное от закономерного и толкуя явления окружающего мира предельно неадекватно, люди приходят к самым нелепым представлениям о сущности вещей.

С другой стороны, культура — это орудие адаптации, но совсем особого рода и принципиально отличается от адаптационных механизмов в животном и растительном мире. Посредством законов, обычаев и разнообразных табу культура стремится превратить минусы нашей действительности в плюсы, недостатки в достоинства, убогость в совершенство. «Ваши страдания нестерпимы? Да, но ведь они облагораживают и даже спасают. Жизнь коротка? Да, но зато загробная жизнь длится вечно. Детство убого и бессмысленно? Да, но зато невинно, ангелоподобно и почти свято...»